

АЛЕКСАНДР
КОЛЮЧИЙ

ВОДНЫЙ БАРОН

Том 3

Александр (Колючий)

Водный барон. Том 3

<https://litres.ru/74183783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каменный Остров. Цитадель знаний. Сюда мечтают попасть тысячи, но берут лишь избранных. Я — Мирон Заречный, и для местных я никто. Выскочка. Деревенщина. Но у меня есть то, чего нет у них: стальная воля, память человека из XXI века и цель, ради которой я переверну эту Школу вверх дном. Меня пытаются «срезать» на испытаниях? Я заставлю экзаменаторов аплодировать. Мне нужна эта Печать, чтобы защитить свой дом и артель. И я вырву её из рук системы, даже если придется сломать вековые устои Академии. Урок начинается!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	39
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр (Колючий)

Водный барон. Том 3

Глава 1

Каменный Остров встретил меня запахом сырости, ржавого железа и страха.

Я стоял на причале, где только что швартовалась попутная баржа, и смотрел на то, что называлось Волостной школой речного мастерства. Передо мной высилась крепость. Серые стены, толстые, как у острога. Узкие бойницы вместо окон. Массивные ворота, окованные железом, с цепями для подъёмного моста. Над воротами — герб: две скрещённые цепи и якорь. Символ не учения, а власти над рекой.

«Это не место, где учат, — подумал я, оглядывая стены. — Это место, где ломают».

Ветер дул с воды — холодный, влажный, пахнувший тиной и чем-то затхлым, застоявшимся. Волны били о каменные устои причала с монотонным плеском. Вокруг суеились грузчики, таская тюки и бочки. Деревянный ворот на пристани, грубое подобие крана, скрипел, поднимая груз медленно, с перебоями. Причал был узким, люди толкались, мешали друг другу, ругались.

Я машинально оценил логистику порта взглядом Гле-

ба-управленца: «Один кран на весь остров. Очередь из барж. Грузчики работают вразнобой, без системы. Здесь нет хозяина. Здесь есть только пафос каменных стен и хаос у их подножия».

Рядом со мной швартовался струг — лакированный, с золочёной резьбой на носу и кормовым навесом из расшитого полотна. Трап опустили, и на берег сошли трое — парни моего возраста, одетые так, словно собрались на царский пир. Бархатные кафтаны с меховой оторочкой. Сапоги из мягкой кожи. Перстни на пальцах. За ними слуги тащили сундуки — тяжёлые, окованные медью.

Один из парней — высокий, русоволосый, с надменным лицом — брезгливо поморщился, глядя на грязь у причала:

— Федька, неси сундук сам. Я эту мерзость на сапоги не хочу.

Слуга молча взвалил сундук на спину и поплёлся к воротам, сгибаясь под тяжестью.

Я посмотрел на свой мешок — единственный, который висел у меня за плечом. В нём были смена белья, отцовский нож, записи Анфима о глубинах порогов и кошель с деньгами — остаток моих скромных средств. Всё остальное осталось дома: Артель, причал, коптильни, люди, которые теперь зависели от того, что я здесь сделаю.

«Я выгляжу как батрак на фоне этих боярчиков, — констатировал я без обиды, просто как факт. — Но мне не нужны сундуки. Мне нужны знания. И Печать Ловца».

Я перекинул мешок через плечо и двинулся к воротам.

Молодые бояре прошли мимо меня, даже не взглянув — для них я был пустым местом, частью фона. Я не обиделся. В офисе я научился не обращать внимания на тех, кто измеряет людей ценой пиджака. Здесь принцип был тот же, просто вместо Hugo Boss — бархат с собольей опушкой.

Ворота Школы были открыты настежь, но перед ними стояла стража — двое рослых детин в кольчугах, с алебардами. Они просто стояли и смотрели — тяжёлым, оценивающим взглядом.

Я прошёл мимо них, держа спину прямо, не опуская глаз. Не вызывающе, но и не робко.

За воротами открылся двор — широкий, вымощенный серым камнем, мокрым от недавнего дождя. Посередине — колодец с массивным журавлём. Слева — длинное приземистое здание с маленькими окнами. Справа — высокое строение с башней и колоколом. Прямо впереди — здание поменьше, но с резными наличниками и крыльцом о трёх ступенях. Табличка над дверью: «Приемная».

Я направился туда.

Внутри пахло чернилами, сургучом и затхлой бумагой. За длинным столом, заваленным свитками и книгами, сидел дьяк — мужчина лет сорока, в чёрном кафтане. Лицо было бледным, как будто он не видел солнца годами. Глаза — серые, холодные.

Передо мной уже стояла очередь — человек пять. Бояр-

чики, которых я видел на причале, прошли без очереди, просто кивнув дьяку. Тот что-то записал в книгу и махнул им рукой. Они ушли, даже не оглянувшись.

Очередь двигалась медленно. Дьяк неторопливо расспрашивал каждого: имя, откуда, кто отец, есть ли рекомендации.

Наконец дошла моя очередь.

Я подошёл к столу и положил перед дьяком свёрнутое письмо. Печать воеводской канцелярии — красный воск с двуглавым орлом — была цела.

Дьяк взял письмо, взвесил в руке, словно оценивая. Сломал печать. Развернул. Пробежал глазами текст. Лицо его не изменилось, но я заметил, как чуть дёрнулся уголок рта.

Он читал долго — дольше, чем нужно. Наконец поднял глаза.

— Мирон... Заречный, — произнёс он. — Поручительство от Воеводы.

— Да, — сказал я спокойно.

Дьяк откинулся на спинку стула, сложил руки на животе. Изучал меня молча — секунд десять, пятнадцать. Я выдержал взгляд, не моргая. Научился этому на переговорах с норвежцами: кто первый отведёт глаза — тот проиграл.

— Воевода может просить, — наконец сказал дьяк, и в его голосе была ледяная вежливость. — Но Устав Школы утверждает Попечитель. А Попечитель считает, что мест в Благородном крыле достаточно только для тех, кто имеет соответствующее происхождение.

«Савва, — понял я мгновенно. — Попечитель — это Савва Авинов или его человек. Конечно. Он контролирует не только Слободу, но и Школу».

Я не показал ни удивления, ни разочарования. Просто кивнул:

— Понимаю. Воевода просил передать, что он высоко ценит строгое соблюдение Устава. — Я сделал паузу, глядя дьяку прямо в глаза. — Надеюсь, этот Устав одинаков для всех поступающих? Независимо от того, кто выступает поручителем?

Дьяк вздёрнул бровь. Понял намёк. Я не просил поблажек. Я напоминал, что за мной следят.

Молчание затянулось. Где-то в глубине здания скрипнула дверь. За окном прокричала чайка.

— Определяю тебя в Общую Палату, — наконец сказал дьяк, доставая перо. — Учебный год обычный. Распорядок строгий. — Он начал писать в толстой книге, не глядя на меня. — И смотри не опаздывай. Завтра на рассвете — Большой Смотр перед Главным Мастером. Все ученики обязаны явиться в чистой одежде и вовремя. Кто выйдет в грязном или опоздает — будет отчислен без права восстановления.

Он произнёс это буднично, но я уловил нотку злорадства. Я кивнул:

— Понял. Спасибо за наставление.

— Общая Палата — здание слева от колодца. Найдёшь сам. — Он махнул рукой к двери. — Свободен.

Дьяк склонился над книгой, что-то дописывая.

И тут я увидел.

Напротив моей фамилии в списке, в графе справа, стоял жирный красный крест. Нарисован заранее — ещё до того, как я вошёл.

Я взял жетон, развернулся и пошёл к выходу.

«Меня уже вычеркнули, — пронеслась холодная мысль. — Ещё до экзамена, до учёбы. Я — помеченный».

Красный крест в канцелярских книгах означал одно: «отчислен», «мёртв для системы».

Но я был жив.

«Значит, — подумал я, выходя на мокрые камни двора, — они думают, что я не дойду до конца этой недели. Несчастный случай. Провал на экзамене. Что угодно, что можно списать на обстоятельства».

Я сжал жетон в кулаке и пошёл к Общей Палате, чувствуя, как ярость — холодная, контролируемая ярость Глеба-логиста — начинает разливаться по жилам.

«Хорошо, — думал я. — Пусть думают, что я уже вычеркнут. Пусть готовят свои ловушки. Я не просто пройду через них. Я заставлю их пожалеть, что они вообще попытались».

Глава 2

Общая Палата оказалась длинным, приземистым зданием с низким потолком и маленькими окнами. Внутри пахло сыростью, невымытыми телами и чадом от печи, которая дымила в углу.

Вдоль стен стояли грубо сколоченные нары в два яруса — без перин, только голые доски с тонкими соломенными тюфяками. Кое-где висели мешки и свёртки. У одной из стен стоял длинный стол с лавками, весь в пятнах и зарубках. На столе валялись деревянные миски, ложки, кувшин с водой.

Народу внутри было человек двадцать. Кто-то сидел на нарах, чиня одежду. Кто-то дремал. Двое играли в кости у стола. Ещё один — парень с всклокоченными волосами и чумазым лицом — возился с какой-то деревянной штуковиной в углу.

Когда я вошёл, несколько голов повернулись в мою сторону. Оценили взглядом — быстро, без интереса. Новенький. Большинство тут же потеряло интерес и вернулось к своим делам.

Я выбрал свободные нары у дальней стены — верхний ярус, подальше от печи и от двери. Забросил мешок наверх, проверил доски — крепкие. Сел на край, спустив ноги.

«Спартанские условия, — подумал я. — Но я видел и хуже. На турнирах приходилось спать в лодке под дождём.

Здесь хотя бы крыша есть».

Я достал из мешка отцовский нож — проверить, цел ли после дороги. Лезвие было чистым, рукоять крепко сидела. Я провёл пальцем вдоль обуха, вспоминая, как отец учил меня точить его.

Память Мирона была яркой, тёплой. Глеб внутри меня отстранённо наблюдал за ней. Две жизни в одной голове.

Я спрятал нож обратно и собрался было лечь, когда услышал голоса — громкие, нарочито развязные.

— ...не слушай ты его, Кузьма! Иван Васильевич — мастер с именем, а ты кто? Деревенский самоучка!

Я поднял голову.

У дальней стены, возле того самого парня с деревяшкой, стояли трое. Я их сразу узнал — боярчики с причала. Высокий русоволосый в бархатном кафтане. Рядом — приземистый, широкоплечий. Третий — тощий, с длинным носом.

Парень, которого они окружили — Кузьма — сидел на корточках и прижимал к груди деревянное колесо с лопастями, торчащими под странным углом.

— Дай сюда, Кузьма, — говорил русоволосый. — Хорошая игрушка. Вечером будет с чем у костра поиграться. Жарко гореть будет!

Кузьма сжал колесо крепче:

— Не дам. Это не игрушка. Я три года её делал.

— Три года палки строгал! — Тощий присвистнул насмешливо.

Широкоплечий — Данила — шагнул ближе:

— Не упрямясь, механик. — Он выговорил услышанное от кого-то слово с нарочитой язвительностью. — Мы по-хорошему просим. А то ведь можно и не по-хорошему. Здесь тесно, ночью всякое бывает — упал с нар, ушибся...

Угроза была открытой. Кузьма побледнел, но колесо не отдал.

Я сидел на нарах и наблюдал.

«Классическая дедовщина, — констатировал Глеб внутри меня. — Сильные давят на слабых. Вопрос: моё ли это дело?»

Но память Мирона подсказывала другое. Мирон помнил, как Касьян и его дружки точно так же прижимали его у сарая. Помнил страх. Помнил, как никто не заступился.

«Моё дело, — решил я и встал с нар. — Потому что если я промолчу сейчас, завтра они придут ко мне. А ещё потому, что этот Кузьма — механик. А мне нужен механик».

Я подошёл ближе — не спеша, не агрессивно. Просто встал в двух шагах от них, скрестив руки на груди.

Русоволосый обернулся, оглядел меня безразлично:

— Ты кто такой, смерд?

— Осторожнее, — сказал я спокойно, кивнув на колесо. — На его колесе — деготь.

Русоволосый моргнул:

— Какой ещё деготь?

Я посмотрел на него так, как смотрел на клиентов в офисе,

когда они задавали глупые вопросы:

— Деревянное колесо с лопастями. Оно для воды делалось — видишь, обод мокрый? Чтобы дерево не гнило в воде, его мажут дегтём. Горячим. Въедается в волокна намертво. — Я сделал паузу, глядя на его бархатный кафтан. — Если ты сейчас схватишь это колесо голыми руками, деготь размажется по твоим пальцам. Потом ты случайно проведёшь рукой по кафтану. Деготь не отмывается.

Русоволосый инстинктивно отдёрнул руку.

Я продолжил:

— Дьяк сказал — завтра на рассвете Смотр перед Главным Мастером. Все должны явиться в чистой одежде. Кто выйдет в грязном — вылетит. — Я кивнул на кафтан. — Этот бархат стоит, наверное, рублей двадцать. Батюшка твой заплатил за него хорошие деньги. Вопрос: ты хочешь объяснять ему, почему вернулся домой в первую же неделю?

Тишина.

Данила нахмурился:

— Ты кто вообще такой, чтобы нам указывать?

— Никто, — ответил я честно. — Мне плевать, кто вы. Но если вы сейчас устроите здесь драку, то завтра наставники найдут виноватых. И спросят: «Кто начал?» Свидетелей здесь человек двадцать. — Я обвёл взглядом палату. — Как думаешь, кого они назовут? Трех боярских сынков в дорогих кафтанах или деревенского бедняка?

Русоволосый стиснул зубы. Лицо его покраснело — не от

стыда, а от ярости. Он понял, что я прав. Что они загнаны в угол не силой, а логикой.

— Ты умный, да? — процедил он. — Любишь языком чекать?

— Люблю думать головой, — ответил я. — Попробуй как-нибудь. Полезная привычка.

Данила сделал шаг ко мне — угрожающе, сжав кулаки. Я не отступил. Просто смотрел ему в глаза спокойно, без вызова, но и без страха. Я был на голову ниже его и вдвое худее. Но я был взрослым мужиком в теле подростка, а он — избалованным мальчишкой.

— Данила, — окликнул его русоволосый. — Оставь. Не стоит он того.

Данила ещё секунду смотрел на меня, потом сплюнул под ноги и отступил.

Трое развернулись и пошли к выходу. У двери русоволосый обернулся:

— Запомним тебя, смерд. Школа большая. Всякое случается.

— Запоминайте, — ответил я равнодушно. — Только без дёгтя, пожалуйста.

Дверь хлопнула за ними.

Я повернулся к окружающим.

Полпалаты смотрели на меня. Один из парней — купеческий сын — негромко присвистнул:

— Ловко. Без драки — и они ушли.

Другой, постарше, со шрамом на щеке, покачал головой:
— Глупо. Теперь они тебя запомнят. А у них — отцы в Думе.

Я пожал плечами:

— Драться с ними — глупее. Синяк заживёт. А память о том, что тебя побил «смерд» — останется.

Я посмотрел на Кузьму. Тот всё ещё сидел на корточках, прижимая колесо к груди. Смотрел на меня снизу вверх — с недоверием, с осторожностью. Лицо худое, скулы выпирают. Руки в мозолях. Глаза умные, настороженные.

«В офисе я бы просто пожаловался HR, — подумал я. — Здесь HR нет. Здесь — или бей первым, или будь умнее. Они меня запомнили. Хорошо. Пусть запомнят как того, кто не даёт повода для жалоб наверх, но всегда найдёт формальную причину их уничтожить».

— Зачем помог? — спросил Кузьма тихо. — Все здесь или бьют, или хотят что-то взамен.

Я присел на корточки рядом с ним:

— Потому что мне нужен механик. Умный. Которого здесь считают дураком.

Кузьма усмехнулся — горько:

— Тогда ты нашёл. Только я никому не нужен. У меня нет денег, связей, имени. Даже отца нет — умер три года назад. Меня дразнят Механиком, а я даже толком не знаю, что это значит.

— Это значит, что ты мастер. Ты можешь создавать

устройства — их называют механизмы. У тебя есть руки, которые могут делать то, чего не могут другие, — сказал я, глядя на колесо. — Этого достаточно.

Кузьма моргнул, словно не ожидал такого ответа. Потом медленно протянул мне колесо:

— Хочешь посмотреть?

Я взял его осторожно.

Колесо было лёгким, но крепким. Дерево гладко отполировано. Обод идеально круглый. Лопасты стояли не перпендикулярно, а под углом — градусов тридцать. Словно их нарочно скосили.

— Зачем криво прибил? — спросил я. — Ошибка?

Кузьма оживился:

— Да не ошибка! Я три года образцы ломал, пока дошёл. Смотрел, как рыба в заводях ходит — она хвостом не бьёт, а вильнет слегка — и скользит. Плавно. Без рывков. Потом у старика-колесника подсмотрел, как он спицы в обод вгоняет: не прямо, а с уклоном, чтоб колесо крепче было. Сложил одно с другим. Иван Васильевич сказал: бред, против законов. А оно работает!

Он запустил колесо — крутнул пальцами.

Колесо завертелось.

Бесшумно. Ровно. Без вибрации. Лопасты резали воздух мягко, плавно.

Я смотрел на это и чувствовал, как что-то щёлкает в голове — память Глеба, инженерное образование.

«Винт переменного шага, — подумал Глеб. — Он интуитивно нашёл способ убрать кавитацию и вибрацию. Без формул, просто наблюдая за природой. Это гениально».

— Равномерный ход, — сказал я вслух. — Без ударов. Без тряски. Это умно, механик. Очень умно.

Кузьма замер:

— Ты... ты правда так думаешь? Ты не смеёшься?

— Не смеюсь, — сказал я. — Я видел достаточно устройств, чтобы понять: то, что ты сделал — это не игрушка. Это решение, над которым бьются лучшие мастера.

Кузьма шумно выдохнул. Плечи его расслабились.

— Вот только... — Он коснулся колеса. — Это колесо работает тихо. А когда я делаю настоящую величину — всё равно трясется. Слабо, но трясется. Я не знаю, как убрать тряску до конца.

— Все дело не в основах, — перебил я. — а в размере. Когда увеличиваешь размер, увеличиваются силы. Нагрузки. То, что работает в малом, не всегда работает в большом. Нужно попробовать сделать из чего-то другого. Или по-другому крепить.

Я замолчал. Кузьма смотрел на меня широко раскрытыми глазами:

— Ты... ты тоже механик? Откуда ты это знаешь?

«Из другой жизни, — хотел ответить я. — Из мира, где такие колёса называются винтами, и их делают из стали».

Но вслух сказал:

— Мой отец был кормчим. Я вырос на реке. Видел много механизмов — мельницы, водяные колёса, шлюзы.

Кузьма медленно кивнул. Потом протянул руку:

— Кузьма. Кузьма Шестопёр. Второй год здесь мучаюсь.

Я пожал его руку — жилистую, в мозолях, сильную:

— Мирон Заречный. Первый день.

— Плохое место выбрал, — сказал Кузьма. — Волостная школа — это яма. Кто сильнее, умнее или богаче — тот выживает. Остальных ломают.

— Знаю, — ответил я. — Видел красный крест напротив моей фамилии. Меня уже вычеркнули.

Кузьма побледнел:

— Красный крест? Ты уверен?

— Уверен.

Кузьма покачал головой:

— Тогда... тогда тебя попытаются срезать на Испытании Водой. Дадут гнилую лодку, отправят на самый тяжёлый участок реки.

— Когда? — спросил я.

— Завтра. На рассвете. Сразу после Смотра.

Я кивнул.

«Значит, у меня есть ночь, — подумал я. — Ночь, чтобы подготовиться».

Я встал:

— Спасибо за предупреждение, Кузьма.

— Ты... ты правда думаешь попробовать? — В голосе

Кузьмы было недоверие.

— Попробую, — ответил я. — У меня нет выбора. Если я сейчас уйду, я вернусь домой с пустыми руками. А дома меня ждут люди, которые рассчитывают на меня.

Кузьма молчал, разглядывая меня. Потом кивнул:

— Ладно. Тогда... тогда я покажу тебе место испытания. Хотя бы издалека. Чтобы ты знал, что там.

— Покажешь? — Я посмотрел на него удивлённо. — Зачем?

Кузьма пожал плечами:

— Ты первый за два года, кто не назвал меня дураком. Кто посмотрел на моё колесо и понял, что я делаю. Это дорогого стоит.

Я протянул ему руку — как жест благодарности:

— Тогда пошли. Времени мало.

Глава 3

Кузьма спрятал колесо под нары и встал.

Мы вышли из Общей Палаты вдвоём.

За окнами уже начинало темнеть. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая воду в тревожный медный цвет.

Кузьма привёл меня на дальний край Острова — туда, где каменная стена обрывалась, переходя в деревянный частокол. Здесь было тихо. Только плеск волн о сваи причала да скрип цепей, на которых покачивались учебные лодки.

Место завтрашних испытаний располагалось в протоке между Каменным Островом и материковым берегом — узкой, но быстрой. Течение здесь было злым: вода шла тёмными упругими валами, сбиваясь в водовороты у свай и камней. Посреди протоки торчали столбы с красными флажками — маркеры водного пути.

— Вот здесь, — Кузьма кивнул на ближайшую лодку, привязанную к причалу. — Тебе дадут такую. Или похуже.

Я присмотрелся.

Лодка была старая — борта почерневшие, днище покрыто наростами водорослей. Вёсла короткие, с трещинами. Уключины ржавые. Но главное — она сидела в воде слишком низко, явно набирая воду через щели.

— Течь? — спросил я.

— Да, — подтвердил Кузьма. — Для тех, от кого хотят

избавиться, они выбирают самые гнилые. Говорят — чтобы испытать умение. На самом деле — чтобы ты не прошёл. Два года назад один парень перевернулся. Чуть не утонул. Его вытащили, но отчислили в тот же день.

Я смотрел на воду, на флажки, на изгиб протоки. Прикидывал расстояние, скорость течения, точки маневрирования.

«Классическая река-убийца, — подумал Глеб. — Узкая протока, сильное течение, препятствия. Если грести против течения в лоб — выдохнешься за пять минут. Если пытаться держать центр — вынесет на сваи. Нужен другой подход».

Я обернулся к Кузьме:

— А правила? Что именно нужно сделать?

Кузьма почесал затылок:

— Пройти путь от начала до конца. Начало — здесь, у причала. Конец — там, за поворотом, у красного столба с колоколом. Расстояние — может, полверсты. Время не ограничено, но... Если будешь грести слишком долго, они скажут, что ты слабак. А если слишком быстро попрёшь — сядешь на мель или врежешься в сваи.

— Понятно, — сказал я. — А проверяют что-то ещё?

— Проверяют умение грести, держать направление. Прохождение препятствий. — Кузьма пожал плечами. — Но это всё отговорки. Настоящее испытание — выжить. Если выжил и дошёл — значит, годен. Если утонул или сдался — значит, место не для тебя.

Я кивнул.

«Значит, главное — не скорость, а результат. Дойти. Любой ценой».

Я прошёл ближе к воде, присел на корточки у самого края причала. Деревянные доски были мокрыми, скользкими. Вода плескалась внизу — чёрная, холодная.

— Что делаешь? — спросил Кузьма настороженно.

— Слушаю реку, — ответил я. — Помолчи.

Кузьма замолчал.

Я погрузил руку в воду. Холод обжёг кожу мгновенно — острый, пронзительный. Пальцы онемели за секунду. Вода была ледяной.

Я закрыл глаза.

Заглушил звуки вокруг. Сфокусировался только на ощущениях от руки.

Сначала был только холод. Пульсирующий, нарастающий. Потом — давление. Вода била в ладонь, толкала её. Течение было сильным, упругим, живым.

Я углубился дальше.

«Покажи мне, — подумал я, обращаясь к Дару. — Покажи мне путь».

Боль пришла мгновенно.

Острая, как раскалённая спица, вонзившаяся в основание черепа. Пульсирующая, расходящаяся волнами к вискам. Я стиснул зубы, не давая себе вскрикнуть. Дышал через нос — глубоко, медленно.

И мир изменился.

Вода перестала быть просто водой.

Она стала звуком — низким, гулким, тянущим. Чёрным шёлком стали, который резал, тянул, вёл куда-то вниз.

Я не видел карту дна — контакт был слишком локальным. Но я чувствовал главную струю. Чувствовал её направление, силу, характер. Она шла по центру протоки, разгоняясь к повороту, потом резко сбиваясь влево, к материковому берегу. Там был водоворот — я чувствовал его как тёмное, засасывающее пятно.

А ещё я чувствовал боковые течения. Вдоль правого берега, у стены Острова, вода шла медленнее. Там течение было слабым. Это была мёртвая зона — место, где можно было передохнуть.

«Вот оно, — понял я. — Все гребут против главной струи, пытаясь пройти центром. Но главная струя слишком сильная. Она выматывает. Она убивает. А вдоль берега... вдоль берега можно идти медленно, но верно. Используя слабое течение. Экономя силы».

Боль в голове взорвалась с новой силой. В ушах зазвенело. Я почувствовал, как начинает кружиться голова.

«Хватит, — приказал я себе. — Ещё секунда — и я упаду в воду».

Я резко выдернул руку из воды.

Холодный воздух обжёг мокрую кожу. Я тяжело дышал, растирая онемевшие пальцы. Они были белыми, бескровными. Чувствительность возвращалась медленно, болезненно

— сначала покаяние, потом жжение.

Боль в голове не ушла. Пульсировала где-то глубоко, за глазами. В висках давило. Звон в ушах стих, но не исчез совсем.

И жажда.

Внезапная, дикая жажда. Горло пересохло мгновенно.

«Цена, — констатировал я, массируя виски. — Каждый раз, когда я использую Дар, я плачу за это. Боль. Жажда. Истощение».

— Ты... ты чего там делал? — Голос Кузьмы был встревоженным. — У тебя лицо белое, как у покойника.

Я поднял голову. Кузьма стоял в двух шагах, глядя на меня с опаской.

— Изучал воду, — ответил я, поднимаясь на ноги. Ноги были ватными, но держали. — Нужно знать, куда она течёт, где сильнее, где слабее.

— И что, это можно понять рукой в воде? — В голосе Кузьмы был скептицизм, но не насмешка.

— Можно, — сказал я уклончиво. — Если умеешь слушать.

Кузьма нахмурился, но спорить не стал.

Я потер руки. Пальцы всё ещё побаливали, но это было терпимо.

— Слушай, — сказал Кузьма после паузы. — Ты правда думаешь, что пройдёшь завтра? Они дадут тебе лодку с дырой. Я смотрю, они руль подпилили, видишь?

Я осмотрел руль и увидел тонкую линию спила.

— Руль мне не нужен, — ответил я, глядя на воду.

— Как это не нужен?! — Кузьма уставился на меня. — Он же сломается. Ты на вёслах пойдёшь?

— Нет, — сказал я. — Я пойду по течению. Не против него, а вместе с ним.

— По течению? — Кузьма покачал головой. — Но тогда тебя вынесет на камни. Ты ж не удержишь направление без руля.

— Удержу, — сказал я. — Есть боковое течение вдоль правого берега. Слабое. Оно меня понесёт мимо камней. Мне нужно только попасть в него и держаться там.

Кузьма молчал. Потом медленно кивнул:

— Ты... ты и правда видел это? Боковое течение?

— Видел, — подтвердил я. — Точнее, почувствовал. У меня есть такой Дар.

Кузьма присвистнул тихо:

— Дар? Тогда, может, у тебя и правда есть надежда.

Мы постояли ещё немного. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в тревожный красно-серый цвет. Вода потемнела, стала почти чёрной. Флажки на столбах трепались на ветру.

— Пошли, — сказал Кузьма. — Скоро ужин. Если опоздаем — останемся голодными.

Я кивнул и пошёл за ним.

Но у самого выхода с причала я обернулся ещё раз — по-

следний взгляд на протоку, на флажки, на воду.

«Завтра, — подумал я. — Завтра ты поможешь мне».

Боль в висках пульсировала, напоминая о цене, которую я уже заплатил.

«И заплачу ещё, — добавил я мысленно. — Если придётся. Потому что у меня нет пути назад».

Мы вернулись в Общую Палату как раз к ужину. Стол был накрыт — деревянные миски с жидкой похлёбкой, ломти чёрного хлеба, кувшин с квасом. Запах был скудным, но голод взял своё.

Я сел на лавку рядом с Кузьмой, взял миску. Похлёбка была пресной, почти безвкусной — вода с крупой и какими-то овощами. Но она была горячей.

Ел молча. Вокруг шумели — кто-то рассказывал байку, кто-то ругался. Я не вмешивался. Просто ел, восполняя силы.

Кузьма сидел рядом, ковыряя ложкой в миске. Ел мало, больше думал.

— Слушай, — сказал он тихо. — Если завтра... если что-то пойдёт не так... беги. Просто беги. Школа — не место, за которое стоит умирать.

Я посмотрел на него:

— А ты? Ты здесь второй год. Почему не убежал?

Кузьма усмехнулся горько:

— Мне некуда бежать. Дома нет. Отец умер, мать следом. Остался только дядя, который отдал меня сюда, чтобы не

кормить лишний рот. Если я вернусь — он меня не примет. Здесь хоть кормят. И хоть что-то можно делать руками. — Он посмотрел на свои ладони, покрытые мозолями. — А у тебя, я так понимаю, есть куда возвращаться?

— Есть, — подтвердил я. — Мать. Артель. Люди, которые рассчитывают на меня.

— Тогда беги, если что, — повторил Кузьма. — Живой нужнее, чем мёртвый герой.

Я допил похлёбку:

— Не собираюсь умирать. И бежать тоже. Я пройду их испытание. А потом получу Печать Ловца. И тогда вернусь домой не с пустыми руками. А с Печатью, которая изменит всё.

Кузьма посмотрел на меня долгим взглядом. Потом кивнул:

— Верю. Не знаю почему, но верю.

После ужина народ начал расползаться по нарам. Кто-то сразу завалился спать — завтра подъём на рассвете. Кто-то ещё сидел у стола, играя в кости или болтая вполголоса.

Я забрался на свои нары — верхний ярус, у дальней стены. Мешок использовал как подушку, укрылся кафтаном. Было прохладно. Через маленькое окошко пробивался лунный свет — бледный, серебристый.

Я лежал и смотрел в потолок — на закопчённые балки, на паутину в углах.

Думал о завтрашнем дне.

О воде, которая попытается меня убить.

О дьяке, который поставил красный крест напротив моего имени.

О Савве Авинове.

«Они думают, что я слабак, — думал я, чувствуя, как усталость начинает одолевать. — Деревенский парень, который не справится. Который утонет или сдастся».

Я закрыл глаза.

«Но они не знают, кто я на самом деле. Они видят Мирона — шестнадцатилетнего рыбака. Но внутри меня — Глеб. Тридцатилетний мужик, который выиграл турнир Сутки на воде. Который провёл АН-124 через три часа. Который обыграл норвежцев».

Боль в висках всё ещё пульсировала — слабо, но настойчиво.

«Завтра я заплачу эту цену снова, — подумал я, проваливаясь в сон. — И снова. Столько раз, сколько потребуется. Потому что у меня нет выбора».

Последняя мысль перед сном была чёткой, холодной:

«Руль мне не нужен. Бороться с этой струёй — всё равно что голыми руками останавливать жернов. Её нельзя победить. Её можно использовать. Пусть Савва готовит свои ловушки. Я буду не плыть против реки. Я буду плыть вместе с ней».

Боль в висках всё ещё была, но уже терпимой. Руки ныли, но слушались. Усталость накрывала волной — тяжёлой,

тёплой, убаюкивающей.

«Завтра, — думал я, проваливаясь в сон. — Завтра я покажу им. Покажу, что красный крест в книге — это не приговор. Это вызов. И я его принимаю».

Последнее, что я увидел перед тем, как уснуть — лунный свет, пробивающийся через маленькое окошко. Он падал на пол длинной серебристой полосой, как путь на воде.

Как путь, который я увижу завтра.

Путь, который приведёт меня к победе.

Или к смерти.

Но я уже сделал выбор.

И пути назад не было.

Глава 4

Колокол ударил на рассвете — один раз, протяжно, разбудив Школу.

Я открыл глаза и обнаружил, что не спал последние полчаса. Просто лежал на нарах и смотрел в потолок, слушая, как вокруг начинают просыпаться другие ученики. Кто-то ругался, кто-то кашлял, кто-то возился со своими вещами в темноте.

Голова всё ещё побаливала — тупая, ноющая боль в висках, остаток вчерашней ночи на причале. Но терпимо. Я растёр лицо ладонями, согнал остатки сна и спустился с нар.

Кузьма уже не спал — сидел на краю своих нар, смотрел на меня снизу вверх.

— Готов? — спросил он тихо.

— Готов, — ответил я, хотя не был уверен, что это правда.

Мы вышли из Общей Палаты вместе с потоком других учеников. Двор Школы был залит холодным утренним светом — солнце только начинало подниматься, окрашивая небо в бледно-розовый цвет. Воздух был свежим, влажным, пахнувшим рекой и туманом, который стелился над водой белой пеленой.

Народу на причале было человек тридцать, может, больше. Кто-то из учеников пришёл просто посмотреть — таких было мало, в основном второгодники, которым было инте-

ресно, кто из новеньких выживет. Остальные были поступающими, как и я, — парни моего возраста или чуть старше, одетые в разное: кто в добротные кафтаны, кто в потёртые рубахи. Все нервничали, переминались с ноги на ногу, о чём-то шептались.

Я стоял в стороне, прислонившись к ограде причала, и наблюдал.

У самой воды стояли лодки — штук двенадцать, выстроенные в ряд. Они были разными, и даже не будучи специалистом, можно было разделить их на два типа.

Первый тип — лёгкие струги. Изящные, узкие, с высокими бортами и свежей покраской. Вёсла новые, ровные. Руль — крепкий, с металлическими креплениями. Таких было семь штук. Они стояли ближе к началу причала, на самых удобных местах.

Второй тип — тяжёлые карбасы. Широкие, приземистые, с низкими бортами. Краска облупилась, дерево потемнело от времени и воды. Борта покрыты наростами водорослей. Таких было пять. Они стояли в конце причала, у самой воды, и даже на расстоянии было видно, что они сидят низко — явно набирая воду через щели.

«Гробы и ласточки, — подумал я, вспоминая жаргон рыбаков. — Одни созданы для скорости, другие — для груза. Но здесь нет груза. Здесь есть только испытание. И гробы здесь не для того, чтобы кто-то на них прошёл».

К причалу вышел наставник — мужчина лет пятидесяти,

широкоплечий, с седой бородой и лицом, обветренным до коричневого цвета. На нём был длинный кафтан с нашивкой Школы — скрещённые цепи и якорь. Он окинул нас взглядом — тяжёлым, оценивающим, как смотрят на скот перед покупкой.

— Я — Иван Васильевич, наставник по навигации, — сказал он громко, чтобы слышали все. — Вступительное Испытание Водой начинается сейчас. Правила простые. Задача — пройти путь от начала до конца. Начнете здесь, у причала. Путь идёт через Волчью Пасть — рифы, которые вы видите там, впереди. — Он указал рукой на протоку, где из воды торчали чёрные камни, окружённые белой пеной бурлящей воды. — Обогнуть буй за рифами и вернуться обратно к причалу. Кто первым вернётся — тот и лучший. Но главное — вернуться. Живым.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Каждому будет выдана лодка. Какая именно — решаю я. Вопросы?

Никто не задал вопросов. Все молчали, глядя на воду, на рифы, на лодки.

Иван Васильевич кивнул и достал из кармана свиток — список имён.

— Начинаю распределение. Подходите, когда назову.

Он начал читать.

Первыми называли тех, кто пришёл с рекомендательными письмами от бояр и купцов. Я узнал русоволосого из Общей

Палаты — того самого, который вчера пытался отобрать колесо у Кузьмы. Его называли третьим.

— Владимир Ржевский, — объявил Иван Васильевич. — Лодка номер два.

Русоволосый Владимир довольно усмехнулся и направился ко второй лодке. Это был лёгкий струг, один из лучших. Борта свежеекрашенные, вёсла новые, руль крепкий.

Следом назвали Данилу — того самого, широкоплечего. Ему досталась лодка номер три — тоже струг.

Один за другим боярские сынки и купеческие дети получали лёгкие лодки. Я стоял и смотрел, как список сокращается, как исчезают «ласточки», а «гробы» остаются нетронутыми.

«Всё по плану, — подумал я без удивления. — Своим — преимущество. Чужим — испытание на выживание».

Наконец Иван Васильевич добрался до конца списка.

— Мирон Заречный, — объявил он, и в его голосе не было ничего — ни сочувствия, ни злорадства, просто констатация факта. — Лодка номер двенадцать.

Я посмотрел на двенадцатую лодку.

Она стояла в самом конце причала, у самой воды. Самый большой и самый тяжёлый карбас из всех. Борта почерневшие, покрытые толстым слоем водорослей и ила. Днище сидело в воде так низко, что казалось, ещё немного — и она пойдёт ко дну прямо у причала. Вёсла короткие, потрескавшиеся. А руль...

Руль был массивным, грубо вырезанным из цельного куска дерева. Рукоять толстая, неудобная. Но главное — в том месте, где рукоять крепилась к лопасти, я увидел тонкую линию. Едва заметную. Спил. Подпилен на три четверти. Выглядит целым, но достаточно хорошего рывка — и он сломается, как гнилая ветка.

Я почувствовал, как несколько пар глаз устремились на меня. Владимир Ржевский стоял у своего струга и смотрел на меня с ухмылкой — довольной, злорадной. Данила рядом с ним что-то шептал, и оба усмехались.

Где-то в толпе я увидел Дьяка — того самого, который вчера ставил красный крест напротив моего имени. Он стоял в стороне, скрестив руки на груди, и наблюдал. Лицо его было спокойным, но в глазах читалось ожидание.

«Они ждут, — понял я. — Ждут, что я начну возмущаться. Просить другую лодку. Жаловаться на несправедливость. Или паниковать. Или отказываться от испытания. Они хотят, чтобы я дал им повод отчислить меня прямо здесь, не пачкая рук».

Я не дал им этого повода.

Молча взял свой мешок, перекинул через плечо и пошёл к двенадцатой лодке.

Шаги мои были размеренными, спокойными. Я не спешил, но и не тянул. Просто шёл, как ходил на работу в офис — с тем же выражением лица, с той же невозмутимостью.

Подошёл к лодке. Бросил мешок на дно — он упал с глу-

хим стуком, подняв брызги воды, которая уже хлопала внутри.

Потом провёл рукой по борту — медленно, будто проверяя. Дерево было шершавым, холодным, влажным. Я обошёл лодку, осматривая её, и наконец дошёл до руля.

Взялся за рукоять. Покачал её — легко, без усилия. Руль двигался свободно, без скрипа. На первый взгляд — исправный. Но я провёл пальцами по тому месту, где была тонкая линия спила. Нашупал её — едва заметную ложбинку, скрытую под слоем грязи.

«Всё на месте, — подумал я без эмоций. — Ловушка заряжена. Они думают, что я не знаю. Они думают, что в самый критический момент руль сломается, и я растеряюсь. Потеряю управление. Меня вынесет на камни».

Я поднял голову и посмотрел на Дьяка.

Наши взгляды встретились. Он смотрел на меня выжидающе, с лёгким прищуром, словно пытался прочитать мои мысли.

Я ничего не сказал. Просто кивнул ему — один раз, коротко. Не благодарно, не вызывающе. Просто признавая его присутствие.

Потом развернулся и забрался в лодку.

Сел на корму, устроился поудобнее. Проверил вёсла — они были тяжёлыми, неудобными, но рабочими. Проверил уключины — ржавые, скрипучие, но держали. Взял руль в руки — почувствовал его вес, его баланс, его обречённость.

«Хорошо, — думал я, глядя на воду впереди, на рифы, на буй за ними. — Ты хочешь посмотреть, как я утону? Тогда смотри. Но ты увидишь совсем не то, что ожидаешь».

Я услышал шаги рядом с лодкой — лёгкие, быстрые. Обернулся.

Кузьма стоял на краю причала, глядя на меня сверху вниз. Лицо его было бледным. Руки сжаты в кулаки. В глазах — страх. Не за себя. За меня.

— Это... это та самая лодка, — сказал он тихо, чтобы не слышали другие. — Которую мы вчера смотрели. Та, на которой два года назад парень перевернулся.

— Помню, — ответил я спокойно.

— Но руль... — Кузьма кивнул на рукоять, которую я держал.

— Знаю, — повторил я.

Кузьма моргнул:

— Тогда почему ты не... не отказался?

— Потому что если я откажусь, они найдут другой способ меня выгнать, — сказал я тихо. — Единственный способ пройти — это пройти на том, что дали.

— Но как? Руль сломается, мы же видели подпил.

— Именно поэтому я пройду, — я понизил голос. — Я сломаю его сам. В том месте, где мне нужно. Потому что тяжёлая лодка без руля управляется иначе. — Я похлопал по борту. — У неё есть вес. И разгон. Если знать, как использовать этот разгон, можно проходить повороты, где лёгкая

лодка перевернётся.

Кузьма молчал, переваривая.

— Ты... уверен?

— Нет, — честно ответил я. — Но у меня нет другого выбора.

Кузьма кивнул медленно. Потом протянул руку — просто так, как жест поддержки.

Я пожал его руку. Она была тёплой, крепкой.

— Удачи, — сказал Кузьма.

— Постараюсь, — ответил я.

Иван Васильевич обошёл все лодки, проверяя готовность. Потом вернулся к началу причала, где висел большой медный колокол.

— Приготовиться! — крикнул он.

Я взял вёсла в руки. Проверил хват. Посмотрел на воду впереди — на протоку, на рифы, на буй вдали.

Карта из вчерашнего ночного видения всплыла в памяти — серые линии дна, чёрная главная струя, серое боковое течение, суводь за рифами.

«Руль мне не нужен. Бороться с рекой — бесполезно. Но если знать, куда она течёт, можно использовать её силу».

Иван Васильевич поднял молот над колоколом.

Все замерли.

— Начали! — крикнул он и ударил в колокол.

Звон разлился над водой — громкий, протяжный, разрывающий тишину рассвета.

И я оттолкнулся от причала.

Глава 5

Вода встретила меня холодом и сопротивлением.

Я налёг на вёсла — оба разом, синхронно. Карбас дёрнулся, нехотя сдвинулся с места. Тяжёлый. Неповоротливый. Как гружёная баржа.

Вокруг меня остальные лодки уже ринулись вперёд. Лёгкие струги резали воду, набирая скорость. Владимир Ржевский вырвался первым — его струг летел, скользил, оставляя пенный след. Данила шёл вторым. За ними ещё пятеро — все гребли яростно.

Я не спешил.

Налегал на вёсла размеренно, методично. Не пытался угнаться. Просто греб, набирая ход постепенно, экономя силы.

На турнирах я научился одному — кто быстрее стартует, тот не всегда быстрее финиширует. Двадцать четыре часа на воде научили терпению. Беречь силы в начале, чтобы их хватило в конце.

Карбас медленно набирал скорость. Инерция. Тяжёлая масса сопротивлялась ускорению, но когда начала двигаться, лодка ожила. Поплыла.

Впереди — Волчья Пасть.

Рифы были в двухстах метрах. Чёрные клыки, торчащие из протоки. Вода вокруг них бурлила белой пеной. Тече-

ние ускорялось, сжатое узким проходом. Рёв воды — глухой, непрерывный, угрожающий.

Протока сужалась перед рифами — с пятидесяти метров до двадцати. Все лодки должны были пройти через узкое горлышко между двумя большими камнями. А за воротами — лабиринт. Десятки камней, разбросанных хаотично.

Карта из ночного видения всплыла в памяти. Главная струя по центру — быстрая, опасная. Боковая струя справа — медленная, безопасная.

Я посмотрел налево — туда, где берег выступал скалистым мысом. Вдоль берега вода была спокойнее. Там, где все видели опасность мелководья, я видел безопасность слабого течения.

Но пока мне нужно было держаться центра. Потому что руль ещё не сломан. А сломать его нужно в правильном месте.

Впереди первая группа лодок приближалась к входу в рифы. Владимир шёл первым. Его струг летел на полной скорости, он работал рулём — резко, уверенно.

Он проскочил. Чисто. Быстро. Данила за ним. Потом третий, четвёртый.

Я продолжал грести. Течение под карбасом становилось быстрее — вёсла стали легче входить в воду, но труднее вытаскивать. Течение подхватывало лодку, тянуло вперёд.

Пятьдесят метров до входа. Сорок. Тридцать.

Рёв воды нарастал. Удары волн о камни, шипение пены,

треск и грохот.

Двадцать метров.

Я увидел створ — два огромных камня, чёрных и мокрых. Расстояние между ними — метров десять. Широко для одной лодки. Узко для двух.

Десять метров.

Течение усилилось. Карбас начало тянуть вперёд сам по себе. Я перестал грести и взялся за руль.

Рукоять была толстой, неудобной. Я почувствовал под пальцами тонкую линию — спил, скрытый под грязью. Покачал руль — он двигался свободно. Но я знал: внутри дерево подпилено почти насквозь. Один сильный рывок — и он лопнет.

Пять метров до входа.

Я направил нос карбаса точно в центр створа.

Створ приблизился. Вода между камнями неслась с бешеной скоростью. Белая пена летела брызгами.

Я вошёл в створ.

Карбас дёрнуло — резко. Течение подхватило тяжёлую лодку и понесло вперёд с удвоенной скоростью. Вода ревела по бортам. Камни проплыли мимо — близко, в метре справа и слева. Днище чиркнуло обо что-то — лёгкий скрежет.

«Камень под водой. Но прошёл».

И вот я внутри.

Рифы окружили меня со всех сторон. Чёрные камни торчали повсюду — острые, мокрые, покрытые водорослями.

Вода металась хаотично, разбиваясь на десятки потоков. Рёв был оглушающим. Брызги летели во все стороны.

Впереди я увидел Владимира. Его лёгкий струг метался между камнями, как испуганная рыба. Он работал вёслами яростно, но течение било его из стороны в сторону.

Данила шёл за ним — его лодку развернуло боком, он пытался выровнять её, гребя одним веслом. Лицо красное от напряжения.

«Они борются с водой. Пытаются идти против течения, контролировать каждое движение. Но здесь это не сработает. Здесь нужно слушать воду, а не приказывать ей».

Меня понесло вперёд. Карбас шёл тяжело, медленнее стругов, но стабильно. Его не швыряло из стороны в сторону. Масса играла на меня — тяжёлая лодка не реагировала на мелкие завихрения, она прорубалась сквозь них.

Я работал рулём, подправляя курс. Держал нос лодки прямо.

Слишком хорошо.

«Скоро. Скоро нужно будет ломать».

Карта из вчерашнего видения всплыла в памяти. Место, где главная струя резко сбивалась вправо, огибая большой подводный камень. Место, где течение становилось непредсказуемым. Место, где руль должен был сломаться «случайно».

«Там. Прямо перед тем местом я сломаю руль сам. В контролируемой точке».

Сто метров до того места. Восемьдесят. Шестьдесят.

Впереди показался большой чёрный камень — массивный, размером с избу. Течение било в него так, что вода взлетала белыми фонтанами. Справа от камня — узкий проход, метра три шириной. Слева — более широкий, но там вода закручивалась в воронку.

Память подсказала: именно здесь. Там течение сбивается так резко, что руль лопнет от нагрузки.

«Но я не дойду до этого места с целым рулём. Я сломаю его раньше. Здесь. Сейчас».

Тридцать метров до большого камня. Двадцать. Десять.

Я взял руль обеими руками — крепко, до побелевших костяшек. Почувствовал под пальцами тонкую линию спила. Вдохнул. Задержал дыхание.

И резко навалился всем весом на рукоять — вправо, против течения.

Хруст.

Сухой, резкий, как выстрел.

Руль подался под моими руками, лопнул точно в месте спила. Рукоять отделилась от лопасти, стала лёгкой, бесполезной.

Я выбросил обломок за борт.

Он упал в воду с глухим всплеском и исчез.

Карбас дёрнулся. Нос начало сносить вправо, к узкому проходу. Течение подхватило лодку и понесло.

«Теперь начинается настоящее испытание».

С берега раздался крик:

— У него руль!

— Его несёт на камни!

Я не слышал их отчётливо — звуки терялись в грохоте рифов. Но я чувствовал их взгляды. Чувствовал, как Дьяк напрягся, ожидая, что я ударюсь и перевернусь.

Но я не собирался переворачиваться.

Я схватил вёсла — оба, крепко. Вставил их в уключины. И начал грести.

Не хаотично. Не в панике. Методично.

Правое весло — короткий гребок. Левое — длинный. Нос карбаса начал разворачиваться влево, уходя от камня.

Карбас слушался. Медленно, неохотно, но слушался.

Инерция. Карбас не метался, как лёгкие струги. Он шёл ровно, устойчиво. Я задавал направление вёслами, а масса лодки держала курс.

Узкий проход приближался. Три метра между камнями. Течение било в правый камень, создавало завихрение. Опасное место. Место, где руль должен был сломаться, и я должен был потерять управление.

Но руль уже был сломан. И я уже управлял без него.

Я прошёл в узкий проход — чисто, точно, борта в сантиметрах от камней. Течение дёрнуло карбас вправо, но я компенсировал длинным гребком левым веслом. Лодка выровнялась.

Я выдохнул.

«Первый этап пройден. Руль сломан в контролируемой точке. Теперь нужно дойти до буя и вернуться. И вот на обратном пути я покажу им, на что способен».

Впереди виднелся красный буй. До него метров сто.

Владимир уже огибал буй, разворачивая струг для обратного пути. Данила подходил следом.

Я налёг на вёсла, игнорируя боль в руках.

«Половина пути пройдена. Впереди — самое сложное. Обратный путь против течения. Там, где все будут грести из последних сил, я найду суводь. Река сама меня понесёт».

Но для этого мне нужно будет снова активировать Дар.

И заплатить цену.

Буй показался впереди — красное пятно, качающееся на волнах.

Я греб к нему методично. Карбас шёл послушно. Без руля управление было сложнее, но я справлялся. Память Глеба подсказывала: управлял катером одними моторами, когда штурвал отказывал. Принцип тот же. Дифференциальная тяга.

Владимир уже развернулся и шёл обратно. Его струг резал воду, но скорость упала. Он греб из последних сил, лицо красное. Течение било ему навстречу.

Данила за ним — его струг буквально полз против течения.

Я обогнул буй широкой дугой — плавно. Развернул карбас носом обратно, к рифам, к причалу.

И впереди увидел стену.

Стену из воды. Течение, которое несло меня сюда, теперь било навстречу. Я видел, как Владимир и Данила борются с ней, вкладывая в каждый гребок всю силу, продвигаясь му-чительно медленно.

«Если я пойду их путём, я проиграю. Карбас тяжелее. Я выдохнусь раньше, чем дойду до середины».

Но я и не собирался идти их путём.

Я вспомнил карту из ночного видения. Там, справа от основного русла, у края рифов, была суводь — место, где вода закручивалась обратно, создавая течение вверх. Слабое, незаметное с берега, но достаточное.

«Но для этого мне нужно увидеть её. Увидеть не глазами, а Даром. Почувствовать воду. Найти ту струю, которая пойдёт со мной».

Я посмотрел на свои руки. Они были мокрыми — брызги от вёсел, вода через борт. Ладони красные, ободранные. Но контакта было мало. Слишком мало.

«Нужен прямой контакт. Долгий контакт».

Я посмотрел на дно карбаса. Вода хлопала по щиколотку — холодная, грязная, просачивающаяся через щели. Та самая течь, которую они заложили.

«Но эта вода — мой контакт с рекой».

Я глубоко вдохнул. Задержал дыхание.

И опустил обе руки в воду на дне карбаса.

Холод ударил мгновенно — острый, пронзительный.

Пальцы онемели за секунду. Но я не убрал руки. Держал их в воде, растопырив пальцы, давая холоду проникнуть глубже.

Я закрыл глаза.

Заглушил всё вокруг — рёв рифов, крики чаек, скрип вёсел. Сфокусировался только на воде. На холоде. На давлении течения.

«Покажи мне. Покажи мне суводь. Покажи, где вода идёт обратно».

Боль пришла мгновенно.

Не постепенно. Она обрушилась сразу — острая, как удар молотом по затылку.

Я стиснул зубы так, что челюсти заскрежетали. В висках взорвалась пульсирующая боль, расходящаяся волнами к глазам, к ушам, к основанию черепа. За веками вспыхнули красные искры. В ушах зазвенело — высокий, пронзительный писк.

«Держи. Держи контакт. Мне нужно увидеть».

И мир изменился.

Вода перестала быть просто водой.

Она стала партитурой — сложной, многослойной, живой. Я не видел её глазами. Я чувствовал её всем телом, всем сознанием. Как будто сам стал частью реки.

Главное течение шло прямо на меня — чёрный шёлк стали, режущий, безжалостный. Оно несло через центр русла с такой силой, что любая лодка должна была бороться из последних сил.

Но это было не единственное течение.

Справа, у края рифов, где камни создавали завихрения, я почувствовал другое движение. Не прямое. Круговое. Вода ударялась о камни, закручивалась, шла обратно — вверх по течению.

Суводь.

Я видел её как серую полосу на фоне чёрной стремнины. Узкую, слабую, но достаточную. Она шла вдоль правого края рифов, петляя между камнями, и выходила выше.

«Вот он, мой путь. Туда, где никто не пойдёт. Где все видят опасность камней, но не видят помощь обратного течения».

Боль усилилась.

Пульсирующая, раскалывающая череп изнутри. В висках колотило, словно забивали гвозди. Дыхание сбилось, стало частым, поверхностным. Руки начали неметь — не от холода, от перегрузки.

«Хватит. Оборви контакт. Ты видел, что нужно».

Но я ещё подержал. Ещё пять секунд. Запомнил путь — каждый поворот, каждый камень, каждую струю. Впечатал карту в память.

Потом резко выдернул руки из воды.

Боль не ушла. Она пульсировала в висках, за глазами, в затылке. Звон в ушах был оглушающим. Я открыл глаза — мир поплыл, раздвоился, потом медленно сфокусировался.

Я тяжело дышал, держась за борт. Руки дрожали — мел-

кой дрожью, неконтролируемой. Во рту пересохло мгновенно — дикая жажда.

«Цена. Вот она, настоящая цена».

Но я получил то, что хотел. Карта была в голове. Я знал, где суводь. Знал, как к ней пройти.

Я посмотрел вправо — туда, где начиналась моя тропа.

Между двумя большими камнями — узкий проход, метра два шириной. Опасный. Течение било туда с боков, создавая завихрения. Любой нормальный кормчий обошёл бы стороной.

Но я видел, что за этим проходом начинается суводь. Обратное течение, которое понесёт меня вверх.

Я схватил вёсла — руки слушались плохо, пальцы дрожали, но я заставил их двигаться. Развернул карбас вправо.

Один гребок. Второй. Третий.

Карбас пошёл к камням.

С берега раздались крики:

— Куда он идёт?!

— Там камни! Он врежется!

Я не обращал внимания. Просто греб, держа курс.

Течение било в правый борт, пыталось развернуть лодку. Я компенсировал коротким гребком правым веслом. Карбас выравнился.

Проход приближался. Два чёрных камня. Вода между ними бурлила, закручивалась в воронку. Опасно. Смертельно опасно для лёгкой лодки.

Но мой карбас был тяжёлым. Его масса, его инерция — то, что было проклятием на прямом течении, здесь становилось спасением. Тяжёлая лодка не боялась завихрений. Она проламывалась сквозь них.

Я вошёл в проход.

Вода ударила в борта с обеих сторон. Карбас дёрнуло, закрутило. Я вложил в гребки всю оставшуюся силу — левое весло, правое, оба вместе. Лодка выровнялась. Нос прошёл между камнями — в сантиметрах от каждого.

И вдруг я почувствовал.

Течение изменилось.

Вместо того чтобы бить навстречу, оно подхватило карбас и понесло вперёд. Не быстро — не так, как несло вниз. Медленно, мягко, но настойчиво.

Суводь.

Обратное течение, которое шло вверх, огибая рифы с края.

Я перестал грести. Просто держал вёсла в воде, подправляя курс. И лодка плыла. Река сама несла меня вверх.

Плечи горели огнём. Руки дрожали, едва держали вёсла. Голова раскалывалась. Во рту было сухо, как в пустыне. Губы потрескались. Жажда была такой сильной, что я едва сдерживался.

Но я плыл. Вперёд. Вверх.

Я обогнал Данилу.

Он греб из последних сил. Лицо красное, мокрое от пота.

Он увидел меня боковым зрением — увидел, как я плыву мимо, почти не работая вёслами. Уставился на меня, словно увидел призрак.

— Как... — начал он, но не хватило дыхания.

Я прошёл мимо, не ответив.

Потом обогнал купеческого сына.

Впереди показался Владимир Ржевский. Он шёл первым. Его струг продвигался быстрее других, но даже он выглядел измотанным. Владимир греб яростно, вкладывая в каждый гребок всю злость.

Я догнал его.

Он услышал плеск моих вёсел, обернулся. Увидел меня — на тяжёлом карбасе, без руля, идущего вровень с ним.

Лицо его исказилось. Сначала удивление. Потом непонимание. Потом ярость.

— Ты... — выдохнул он, но слова утонули в рёве воды.

Я не смотрел на него. Просто плыл дальше, держась своей тропы.

И обогнал его.

Медленно, но верно. Мой тяжёлый карбас прошёл мимо его быстрого струга.

Владимир взревел — от ярости, от унижения. Я слышал, как он начал грести ещё быстрее, пытаясь догнать меня. Но течение было против него. А суводь — со мной.

Рифы кончились.

Я вышел на открытую воду. Впереди, метрах в ста, вид-

нелся причал. Я видел фигуры на берегу — учеников, наставников, Дьяка. Все смотрели сюда.

Суводь ослабла, исчезла. Здесь течение было слабее, но всё ещё шло навстречу.

Я схватил вёсла — последний рывок. Последнее усилие.

Боль в висках была невыносимой. Руки едва слушались. Плечи отказывались двигаться. Но я греб.

Один гребок. Ещё один. Ещё.

Карбас полз вперёд — медленно, упорно, неотвратно.

Пятьдесят метров до причала. Сорок. Тридцать.

Я услышал за спиной всплеск вёсел. Владимир. Он греб как безумный.

Двадцать метров.

Я вложил в гребки последние крохи сил. Руки горели. Спина ныла. Голова раскалывалась.

Десять метров.

Владимир был в пяти метрах позади.

Пять метров.

Я вошёл в зону причала. Бросил вёсла, схватился за деревянные сваи.

Причалил.

Третьим.

Два других ученика — те, кто шёл на лёгких стругах и не попал в рифы — уже стояли на берегу. Они финишировали раньше, пройдя по внешней, безопасной стороне. Но все смотрели не на них.

Все смотрели на меня.

На тяжёлый карбас без руля. На обломок рулевого весла, болтающийся за кормой. На меня — мокрого, измученного, но живого.

Владимир Ржевский причалил следом — четвёртым. Его лицо было перекошенным от ярости и унижения. Он смотрел на меня так, словно хотел убить.

Но я был впереди.

И все это видели.

Я сидел на дне карбаса и не мог пошевелиться.

Руки лежали на коленях — бесполезные, чужие, дрожащие мелкой непрерывной дрожью. Ладони были ободраны до мяса — кожа висела лоскутами. Кровь смешалась с грязной водой на дне лодки.

Плечи горели, словно их жгли раскалённым железом. Спина была одним сплошным узлом боли.

Но хуже всего была голова.

Боль пульсировала в висках с такой силой, что каждый удар сердца отдавался в черепе, как удар молота. За глазами давило так, что я боялся открыть веки. В ушах звенело — высокий, пронзительный писк. Все звуки доходили приглушёнными, искажёнными, сквозь толстый слой ваты.

И жажда.

Во рту было так сухо, что язык прилип к нёбу. Губы потрескались, покрылись корками засохшей крови. Горло горело, каждый вдох царапал его изнутри.

«Цена. Вот настоящая цена Дара. Не просто неудобство. Это выжигание изнутри. Каждый раз я плачу куском себя».

Я заставил себя поднять голову.

Мир поплыл перед глазами, раздвоился, потом медленно сфокусировался. Я видел фигуры на берегу — размытые, нечёткие, как в тумане.

Кто-то подошёл к краю причала. Наклонился надо мной. — Ты... ты цел? — Голос был знакомым. Кузьма.

Я попытался ответить, но из горла вырвался только хрип. Язык не слушался.

Я кивнул вместо ответа. Один раз. Коротко.

Кузьма протянул руку. Я схватился за его ладонь — она была тёплой, сухой, живой. Оттолкнулся от дна карбаса.

Ноги подкосились.

Я рухнул бы обратно, но Кузьма удержал меня, перехватив под локоть.

— Давай, — сказал он тихо. — Вылезай. Тебе нужно на берег.

Я перевалился через борт карбаса, оперся о край причала. Дерево было мокрым, холодным, шершавым. Я подтянулся на руках — они кричали от боли, мышцы отказывались работать, но я заставил их. Перекинул одну ногу через край, потом другую.

Встал на причале.

Мир снова поплыл. Я зашатался, но Кузьма подхватил меня за плечо.

— Держись. Давай к бочке. Там вода.

Вода.

Это слово пробилось сквозь туман боли и звона. Я кивнул

— резко, отчаянно.

Кузьма повёл меня вдоль причала. Я шёл как пьяный — ноги заплетались, равновесие плыло. Каждый шаг отдавался болью в голове. Но я шёл, потому что впереди была вода.

У края причала стояла большая деревянная бочка — для питья. Рядом висел ковш на цепи.

Кузьма зачерпнул воду, протянул мне ковш.

Я схватил его обеими руками — пальцы едва слушались, но я держал крепко, боясь уронить. Поднёс ко рту.

Вода была холодной, с привкусом дерева и чего-то затхлого. Но мне было всё равно.

Я пил жадно, захлёбываясь, давясь. Вода текла по подбородку, капала на рубаху. Я выпил весь ковш за три глотка.

Потом ещё один. И ещё.

Только после четвёртого ковша жажда начала отступать. Горло перестало гореть. Язык отлип от нёба.

Я вытер рот рукавом, оставив на ткани красный след от потрескавшихся губ.

— Спасибо, — выдавил я хрипло. Голос был чужим, осипшим, но он был.

Кузьма кивнул молча. Смотрел на меня так, словно видел что-то, чего не понимал. В его глазах был страх — не за себя, за меня. Страх, смешанный с чем-то ещё.

— Ты... ты использовал это, да? — спросил он тихо. — Тот самый Дар.

Я не ответил сразу. Посмотрел на свои руки — дрожащие, окровавленные, бесполезные. Потом на воду в бочке. Потом на Кузьму.

— Да, — сказал я честно. — Использовал.

— Это... это из-за него ты так выглядишь?

Я не знал, как я выглядел. Но судя по тому, как на меня смотрели другие ученики, которые начали собираться на причале, — плохо. Очень плохо.

— Цена, — ответил я коротко. — За всё нужно платить. Дар показывает мне путь. Но за это он берёт часть меня. Боль. Силы. Что-то ещё, чего я не понимаю до конца.

Кузьма молчал, переваривая. Потом кивнул медленно.

— Оно того стоило?

Я посмотрел на карбас, который покачивался у причала. На обломок руля. На мокрые доски палубы, на которые я только что ступил живым, когда все ждали, что я утону.

— Да, — ответил я. — Оно того стоило.

Потому что я был здесь. Живой. Третий из двенадцати. И я прошёл не потому, что мне повезло. Я прошёл, потому что знал то, чего не знали другие.

За моей спиной раздался плеск вёсел. Я обернулся — медленно, осторожно.

Владимир Ржевский причаливал. Его лёгкий струг ткнулся носом в сваю. Он выпрыгнул на берег — резко, яростно.

Бросил вёсла в лодку с таким стуком, что все вздрогнули.

Лицо его было красным, мокрым от пота. Глаза горели — не усталостью, а яростью. Он шёл по причалу широкими шагами, расталкивая других учеников.

И остановился передо мной.

Мы стояли в двух шагах друг от друга. Он — рослый, широкоплечий, одетый в дорогой кафтан. Я — на голову ниже, худой, в потрёпанной рубаше, покрытой грязью и кровью.

Он смотрел на меня сверху вниз. Я смотрел на него снизу вверх.

— Ты... — начал он, и голос его дрожал от ярости. — Ты обманул. Схитрил. Ты не мог пройти честно. Ты...

— Я прошёл, — перебил я спокойно. — Это всё, что важно.

— У тебя не было руля! — Владимир ткнул пальцем в сторону карбаса. — Руль сломался! Ты должен был утонуть!

— Руль сломался, — согласился я. — Но лодка не утонула. И я не утонул. Я прошёл путь. Обогнул буй. Вернулся. Всё, что требовалось по правилам.

— Но ты шёл не той дорогой! — Владимир почти кричал теперь. — Ты пошёл через суводь! Это... это...

— Умно? — подсказал я.

Владимир сжал кулаки. На секунду мне показалось, что он сейчас ударит меня. Я видел, как напряглись его плечи, как дёрнулась рука.

Но он не ударил.

Может, потому что вокруг собралась толпа. Может, потому что он понял: ударить человека, который едва стоит на ногах после испытания — это трусость, не доблесть.

Он просто плюнул под ноги — демонстративно, презрительно — и отвернулся.

— Ты всё равно не пройдёшь дальше первого курса, смерд, — бросил он через плечо. — Школа тебя сломает. Ты ещё пожалеешь, что не утонул сегодня.

Он ушёл, растолкав толпу.

Толпа начала расступаться. Я услышал тяжёлые шаги — кто-то шёл через причал. Шаги были размеренными, уверенными.

Иван Васильевич.

Наставник по навигации шёл прямо ко мне. Лицо его было непроницаемым — ни гнева, ни одобрения, ничего. Просто холодная оценка.

Он остановился передо мной. Посмотрел на карбас, потом на меня.

— Покажи руки, — сказал он.

Я протянул руки — ладонями вверх. Они всё ещё дрожали, всё ещё были окровавленными.

Иван Васильевич взял мою правую руку в свои — его ладонь была большой, грубой, покрытой старыми мозолями. Он осмотрел мою ладонь, провёл пальцем по ободранной коже.

— Вёслами? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Руль сломался на рифах?

— Да.

Он отпустил мою руку, прошёл к карбасу. Наклонился над бортом, вытащил обломок руля — лопасть с куском рукояти.

Осмотрел место слома. Провёл пальцем по краю.

— Чистый слом, — сказал он, глядя на дерево. — Поперёк волокон. Одним ударом. — Он повернулся ко мне. — Ты знал, что он сломается?

Я не ответил сразу. Все смотрели на меня — ученики, Кузьма, Дьяк, который стоял в стороне со скрещёнными руками.

Если я скажу «да», они решат, что я обвиняю их в саботаже. Начнётся разбирательство. Дьяк найдёт способ вывернуться. И в итоге меня вышвырнут за клевету.

Если я скажу «нет», все поверят, что мне просто повезло. Я выбрал третий вариант.

— Я знал, что он может сломаться, — сказал я спокойно. — Лодка старая. Руль старый. В рифах нагрузка огромная. Любой кормчий должен быть готов к поломкам. — Я сделал паузу. — Плохой кормчий винит лодку, когда что-то ломается. Хороший кормчий готовится к поломке заранее.

Иван Васильевич смотрел на меня долго — секунд десять, пятнадцать. Изучал лицо, глаза, ища ложь.

Потом кивнул медленно.

— Правильные слова, — сказал он. — Но слова — это

только слова. Ты показал делом, что можешь управлять лодкой без руля. В рифах. Против течения. На тяжёлом карбасе. — Он бросил обломок руля обратно в лодку. — Это умение. Редкое умение.

Он обернулся к толпе учеников.

— Результаты испытания! — объявил он громко. — Первые два места — Степан Волинский и Пётр Кожевников. Они прошли трассу по внешнему маршруту, избежав рифов. Разумное решение для новичков. Третье место — Мирон Заречный. Прошёл через рифы, потерял руль, вернулся без него. Четвёртое место — Владимир Ржевский. Пятое — Данила Строев.

Он перечислил ещё несколько имён, потом замолчал.

— Остальные либо не вернулись вовремя, либо отказались от испытания. Не прошли.

Он посмотрел на меня снова.

— Заречный. Ты принят в Школу. Первый год. Завтра получишь одежду и учебные принадлежности. Свободен.

Я кивнул.

Иван Васильевич развернулся и пошёл обратно к зданию Школы. Толпа начала расходиться. Кто-то поздравлял прошедших, кто-то утешал провалившихся.

Я остался стоять на причале, глядя на воду.

Боль в висках всё ещё пульсировала — слабее, чем раньше, но ощутимо. Руки всё ещё дрожали. Усталость навалилась тяжёлой волной.

Но я прошёл.

Вопреки всем их планам, всем их ловушкам, красному кресту в канцелярской книге — я прошёл.

Кузьма подошёл ко мне, встал рядом.

— Пошли, — сказал он тихо. — Тебе нужно отдохнуть. Поесть. И... и перевязать руки. А то они у тебя загниют.

Я посмотрел на свои ладони. Кровь начала запекаться, превращаясь в тёмные корки. Кожа висела лоскутами.

— Пошли, — согласился я.

Кузьма привёл меня в Общую Палату и усадил на нары — мои, крайние у стены.

— Сиди, — сказал он коротко. — Не двигайся.

Я сидел. У меня и не было сил двигаться.

Кузьма куда-то исчез. Я слышал его шаги, потом скрип двери, потом снова шаги — он вернулся с деревянным тазом, наполненным водой, и с узлом тряпок.

— Дай руки, — сказал он, ставя таз на пол.

Я протянул ему руки. Они всё ещё дрожали — мелкой, непрерывной дрожью.

Кузьма взял мою правую руку и опустил её в таз с водой.

Вода была холодной, боль немного смягчилась.

Кузьма осторожно смывал грязь, кровь, щепки, которые впились в кожу. Его движения были аккуратными, почти нежными.

— Откуда ты научился? — спросил я хрипло.

— Чему?

— Обрабатывать раны.

Кузьма усмехнулся — коротко, без радости.

— У меня руки всегда в порезах. Металл режет. Дерево даёт занозы. Стружка летит в глаза. Если не умеешь обрабатывать раны сам, здесь долго не проживёшь. — Он вытащил мою руку из воды, промокнул чистой тряпкой. — Лекаря в Школе есть, но они только для благородных. Мы, простые, — сами себе лекари.

Он взял другую тряпку и начал обматывать мою ладонь. Туго, но не слишком.

— Это продержится пару дней, — сказал он, завязывая узел. — Потом нужно будет сменить. Главное — не мочи руки. Не работай вёслами. Не делай ничего, что может разодрать раны снова.

— Завтра выдача одежды. Потом начнутся занятия. Думаешь, меня освободят от работы из-за ободранных рук?

Кузьма посмотрел на меня долгим взглядом.

— Нет. Не освободят. Они будут ждать, что ты не справишься. Что сломаешься. Что сбежишь.

— Тогда какой смысл в повязках?

— Смысл в том, — Кузьма взял мою левую руку, опустил её в таз, — что если ты будешь работать совсем без них, то к концу недели у тебя начнётся гниение. А если начнётся гниение, тебя выкинут из Школы не потому, что ты слабак, а потому что ты дохлый слабак. — Он начал смывать грязь. — Разница небольшая, но она есть.

Я усмехнулся — устало, криво.

— Ты всегда такой неунывающий?

— Всегда, — ответил Кузьма без тени улыбки.

Он закончил обрабатывать левую руку, замотал её такой же тряпкой. Отодвинул таз.

— Всё. Теперь тебе нужно поесть и поспать. Особенно поспать. Ты выглядишь так, словно тебя протащили под килем баржи.

— Примерно так я и чувствую себя.

Кузьма кивнул, встал, взял таз.

— Пойду вылью воду. А ты постарайся не умереть, пока меня нет. Мне не хочется объяснять, почему мой сосед по нарам сдох в первый же день.

Он ушёл.

Глава 6

Дверь Общей Палаты скрипнула. Вошли ученики — человек пять или шесть. Те, кто тоже прошёл испытание. Они были мокрыми, усталыми, но живыми.

Кто-то бросил свой узел на нары и рухнул рядом. Кто-то снял мокрую рубаху, повесил её сушиться. Кто-то просто сел на край нар и уставился в стену.

Никто не говорил. Все молчали — тяжёлым молчанием людей, которые только что прошли испытание и поняли, что это было только начало.

Потом вошёл купеческий сын — широкоплечий, с умными глазами, в добротном кафтане.

Он окинул взглядом палату, заметил меня, подошёл.

— Мирон Заречный? — спросил он.

Я кивнул.

— Гавриил Медведев, — представился он. — Мой отец торгует мехами на Волге. Я видел, как ты прошёл испытание. — Он сел на край моих нар. — Ты прошёл через суводь. Намеренно. Ты знал, что она там.

Это не был вопрос. Это было утверждение.

Я промолчал, изучая его. Гавриил смотрел на меня спокойно, оценивающе — так торговцы смотрят на товар, прикидывая его цену.

— Я не спрашиваю, как ты узнал. Это твоё дело. Но я хочу

знать другое: ты будешь использовать это снова? Это умение видеть то, чего не видят другие?

— А тебе зачем это знать? — спросил я осторожно.

Гавриил усмехнулся.

— Потому что в этой Школе выживают не одиночки. Выживают те, кто умеет объединяться. Кто знает, с кем дружить, а с кем воевать. — Он кивнул в сторону других учеников. — Видишь их? Половина уже разбилась на группки. Боярики держатся вместе. Купеческие сыновья держатся вместе. Простолюдины... — Он пожал плечами. — Простолюдины обычно держатся поодиночке и сдыхают первыми.

— И что ты предлагаешь?

— Я предлагаю не быть дураком. Ты умеешь то, чего не умеют другие. Это делает тебя ценным. И опасным. Ржевский уже ненавидит тебя. Дьяк тоже. Если ты будешь один, они раздавят тебя. Но если ты найдёшь союзников... — Он замолчал, давая мне дополнить мысль самому.

Я молчал, обдумывая его слова.

Глеб внутри меня говорил: «Он прав. На многих турнирах я тоже был не один, а с командой. Без них я бы не выиграл».

Но Мирон говорил: «Он торговец. Он видит во мне выгоду. Сегодня он мой друг, а завтра продаст, если цена будет правильной».

Оба голоса были правы.

— Я подумаю, — ответил я наконец.

Гавриил кивнул.

— Думай. Но не слишком долго. Здесь всё решается быстро. Сегодня ты герой, прошедший без руля. Завтра о тебе забудут. Послезавтра тебя найдут мёртвым в канаве, и никто не спросит, как это произошло.

Он ушёл к своим нарам.

Дверь снова скрипнула. Вошёл Кузьма с деревянной миской в руках — в ней дымила похлёбка.

— Вот, — сказал он, протягивая мне миску. — Ужин. Жидкая бурда, но лучше, чем ничего.

Я взял миску обеими руками — забинтованными, неловкими. Похлёбка была горячей, и тепло расходилось по пальцам, проникая сквозь тряпки повязок.

Я начал есть. Медленно, осторожно, черпая деревянной ложкой. Похлёбка была действительно жидкой, с редкими кусочками мяса сомнительного происхождения. Но она была горячей и заполняла пустоту в желудке.

Кузьма сел рядом со своей миской.

— Ты видел Гавриила? — спросил он между ложками.

— Видел. Он предлагал мне союз.

— И что ты ответил?

— Что подумаю.

Кузьма кивнул.

— Правильно. Гавриил не враг. Но он и не друг. Он... попутчик. Пока ему выгодно, он с тобой. Невыгодно — уйдёт. Не предаст — просто уйдёт.

— Опыт?

— Наблюдение. Я здесь уже второй год. Видел, как он действует. Он собирает вокруг себя полезных людей. Держит их, пока они ему нужны. Потом отпускает и находит новых.

— Но сейчас я ему полезен?

— Очень. Ты прошёл испытание так, как никто не ожидал. Ты показал умение, которого нет у других. Это делает тебя ценным. — Он зачерпнул ложку похлёбки. — Вопрос в том, как долго ты будешь ценным.

Я доел похлёбку, поставил миску на пол.

— Достаточно долго, — ответил я. — Если я выживу.

Кузьма посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты выживешь, — сказал он тихо. — Не знаю почему, но я верю, что ты выживешь.

Я хотел спросить, откуда такая уверенность, но слова застряли в горле. Усталость навалилась внезапно, тяжёлой волной, придавливая к нарам.

Я лёг, не снимая мокрой рубахи. Закрыв глаза.

Дерево под спиной было твёрдым, неудобным. Тонкая соломённая подстилка почти не смягчала его. Но мне было всё равно.

«Я прошёл. Первое испытание позади. Я в Школе. Я доказал, что могу справиться с их ловушками».

Но это была только первая ловушка.

Красный крест в канцелярской книге никуда не делся. Дьяк не забыл. Савва Авинов, этот Попечитель, тоже не забудет.

Они ждали, что я утону сегодня. Не дождались. Значит, будет вторая попытка. Третья. Четвёртая.

«Они не остановятся, пока не добьются своего. Или пока я не докажу, что трогать меня опаснее, чем оставить в покое».

Глеб внутри меня подсказывал: «На турнирах побеждает не тот, кто сильнее. Побеждает тот, кто умнее. Кто видит дальше. Кто планирует на шаг, на два, на три вперёд».

Я видел путь — смутно, неясно, как сквозь туман. Но видел.

Нужно выжить. Пройти первый курс. Стать настолько полезным, что меня будет дороже оставить в живых, чем убить.

Савва Авинов владеет торговлей. Контролирует Школу через Попечительство. Значит, ему нужны люди, которые умеют что-то делать. Строить корабли. Управлять ими. Торговать.

Если я докажу, что могу дать ему больше выгоды живым, чем мёртвым, он оставит меня в покое. Или даже возьмёт под защиту.

Но для этого мне нужно время. Нужно дожить до момента, когда я смогу предложить ему что-то ценное.

А пока мне нужно просто выживать. День за днём. Испытание за испытанием. Ловушка за ловушкой.

Последнее, что я помню перед тем, как провалиться в сон, — это голос Кузьмы:

— Спи. Завтра будет новый день. Новые испытания. Но сегодня ты прошёл. И это уже победа.

И я провалился в темноту.

Я проснулся от колокола.

Звон был резким, пронзительным — три удара, которые разорвали утреннюю тишину.

Я открыл глаза. Голова болела — не так сильно, как вчера, но всё ещё ощутимо. Тупая пульсация в висках. Рот был сухим. Руки ныли под повязками.

Вокруг меня Общая Палата ожила. Ученики поднимались с нар — кто-то бодро, кто-то со стонами. Кузьма уже был на ногах, одевался.

— Вставай, — сказал он. — Большой Смотр. Через полчаса все должны быть на плацу перед главным зданием. Чистые, причёсанные, в порядке.

Я сел на нарах, пошевелил пальцами. Руки слушались плохо — повязки мешали, ободранные ладони отзывались острой болью при каждом движении. Но я мог двигать ими. Это было главное.

Я встал, подошёл к бочке с водой в углу палаты. Зачерпнул ковшом, выпил — медленно, жадно. Вода смывала сухость во рту, прогоняла остатки сна.

Потом осторожно снял повязки и умылся.

Я посмотрел на своё отражение в мутном куске полированного железа, который висел над бочкой вместо зеркала.

Лицо было бледным, измученным. Под глазами — тёмные круги. Губы потрескались, волосы спутались.

«Выглядишь как утопленник. Но ты жив. А это уже боль-

ше, чем ожидали твои враги».

Я снова намотал повязки на руки и пригладил волосы как мог. Поправил рубашу — она высохла за ночь, но осталась грязной, с пятнами от воды, крови и ила.

«Чистый. Дьяк сказал — явиться чистым или быть изгнанным. Посмотрим, что он скажет сегодня».

И тут я вспомнил о рубашке, которую мать расшила оберегами. Как я мог о ней забыть? Мгновенно переодевшись, я почувствовал себя другим человеком: будто материнская любовь вливала в меня новые силы.

Кузьма подошёл, окинул критическим взглядом.

— Отлично. Теперь ты выглядишь не хуже остальных.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. — Кузьма усмехнулся. — Пошли. Опаздывать нельзя. Главный Мастер не любит опозданий.

Мы вышли из Общей Палаты вместе с потоком учеников — человек двадцать, все первокурсники, все прошедшие вчерашнее испытание.

Утро было холодным, сырым. Над Каменным Островом висел туман — густой, молочный. Я видел силуэты зданий Школы сквозь пелену — массивные, угрюмые, как крепостные башни.

Площадь перед главным зданием уже заполнялась учениками. Человек сто, может, больше. Все выстраивались рядами — по курсам, по происхождению.

Нас, первокурсников из Общей Палаты, направили в зад-

ний ряд.

Я огляделся.

Справа от нас стояли боярчики — те, кто жил в Благородном крыле. Владимир Ржевский, Данила Строев и ещё человек десять. Все в чистых кафтанах, с причёсанными волосами. Владимир смотрел прямо перед собой, не поворачивая головы в мою сторону. Но я видел, как напряглась его челюсть, как сжались кулаки.

Слева стояли купеческие сыновья — Гавриил Медведев среди них. Он заметил меня, кивнул коротко. Нейтрально.

Впереди, на ступенях главного здания, стояли наставники — Иван Васильевич среди них, высокий, широкоплечий, с непроницаемым лицом. Рядом ещё несколько человек в тёмных кафтанах.

И в центре, на самой верхней ступени, стоял Главный Мастер.

Я видел его впервые.

Он был невысоким — чуть выше среднего роста. Худым, почти тощим, с острым лицом и седой бородой, коротко подстриженной. Глаза его были тёмными, внимательными — такими, что казалось, он видит каждого насквозь. Одет он был просто — чёрный кафтан без украшений, чёрная шапка. Но от него исходила власть — не крикливая, не демонстративная, а тихая, абсолютная.

Справа от Главного Мастера стоял Дьяк. Он держал большую книгу — видимо, список учеников. И смотрел на меня.

Прямо. Пристально. С таким выражением, словно уже видел меня мёртвым. Но я в расшитой рубашке чувствовал себя как в защитном коконе — неуязвимым.

Колокол ударил снова — три раза.

Площадь замерла. Все замолчали.

Главный Мастер шагнул вперёд. Голос его был тихим, но каждое слово разносилось по площади так чётко, словно он говорил каждому из нас в ухо.

— Ученики Волостной школы Каменного Острова! Вчера вы прошли испытание водой. Кто-то прошёл легко. Кто-то — с трудом. Кто-то не прошёл вовсе. — Он сделал паузу. — Те, кто стоит здесь сегодня, доказали, что имеют право учиться. Право знать. Право служить реке.

Он обвёл взглядом всех нас — медленно, внимательно. Его взгляд задержался на мне на секунду дольше, чем на остальных. Я не отвёл глаз.

— Но право учиться — это еще не все. Это только возможность. Кто-то из вас дойдёт до конца обучения. Кто-то сломается на первом году. Кто-то уйдёт сам. Кто-то будет изгнан.

Он снова замолчал. Тишина на площади была абсолютной. Даже ветер затих.

— Школа не прощает слабости. Не прощает глупости. Не прощает лени. Река не прощает ошибок. И мы — слуги реки — тоже не прощаем. — Он поднял руку. — Но тем, кто выстоит, кто научится, кто докажет свою ценность, Школа даёт

больше, чем знания. Она даёт будущее.

Он опустил руку, кивнул Дьяку.

Дьяк раскрыл книгу, начал зачитывать имена.

— Владимир Ржевский. Данила Строев. Степан Волинский. Пётр Кожевников...

Он перечислял одно имя за другим. Каждый, чьё имя называлось, делал шаг вперёд, подходил к ступеням, получал свёрток — одежду и учебные принадлежности.

Я ждал.

Дьяк дошёл до купеческих сыновей. Назвал Гавриила. Назвал ещё несколько имён.

Потом перешёл к простолюдинам.

— Игнат Рябов. Фёдор Ткачёв. Василий Корелин...

Я слушал, напряжённо, ожидая.

«Назовёт ли он моё имя? Или найдёт причину исключить меня прямо здесь, на площади, перед всеми?»

Дьяк дошёл до конца списка простолюдинов. Замолчал. Закрыв книгу.

Моего имени не прозвучало.

Я стоял в заднем ряду, и чувствовал, как по спине пробежал холодок.

«Вот оно. Вот как они хотят меня убрать. Не утопить в рифах. Просто вычеркнуть из списка. Сказать, что я не прошёл. Что меня не было в книге. Что я никогда здесь не учился».

Главный Мастер посмотрел на Дьяка.

— Все? — спросил он.

Дьяк кивнул.

— Все зачисленные названы, Главный Мастер.

— Хорошо. — Главный Мастер уже начал разворачиваться.

И тут раздался голос — громкий, резкий, недовольный.

— Постой.

Иван Васильевич шагнул вперёд. Посмотрел на Дьяка.

— А Заречный? Мирон Заречный. Я лично объявил вчера, что он зачислен. Третьим прошёл испытание. Без руля. Почему его имя не названо?

Дьяк даже не дрогнул. Открыл книгу снова, пробежал взглядом по страницам.

— Заречный Мирон... — пробормотал он, будто ищет. — Странно. Не вижу его в списке зачисленных.

— Как не видишь? — Иван Васильевич шагнул ближе, забрал книгу из рук Дьяка. Пробежал взглядом по страницам сам.

Я видел, как его лицо темнело.

— Здесь его нет, — сказал Дьяк спокойно. — Возможно, была ошибка. Возможно...

— Возможно, кто-то вычеркнул его имя после того, как я его вписал, — перебил Иван Васильевич. Его голос был тихим, но в нём звучала сталь. — Я лично внёс его в список вчера вечером. Собственноручно. А сегодня его там нет. — Он посмотрел на Дьяка так, что тот отступил на шаг. — Объяснишь?

Дьяк молчал. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Главный Мастер шагнул вперёд. Взял книгу из рук Ивана Васильевича. Посмотрел на страницу, потом на Дьяка, потом на меня.

— Заречный! — позвал он. — Выйди вперёд!

Я сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Прошёл сквозь ряды учеников, вышел на открытое пространство перед ступенями.

Все смотрели на меня.

Главный Мастер изучал меня долгим взглядом — сверху вниз, с головы до ног. Заметил забинтованные руки. Заметил бледное лицо. Заметил измотанность.

— Ты прошёл испытание? — спросил он.

— Да.

— Иван Васильевич говорит, что ты прошёл третьим. Без руля. Это правда?

— Правда.

— Покажи руки.

Я протянул руки — ладонями вверх. Белые тряпичные повязки, пропитанные кровью в нескольких местах.

Главный Мастер кивнул Ивану Васильевичу.

— Разверни повязки.

Иван Васильевич подошел ко мне, осторожно развернул повязку на правой руке. Кожа под ней была ободранной, покрытой запекшейся кровью, с глубокими бороздами там, где дерево вёсел протёрло её насквозь.

— Это от вёсел? — спросил Главный Мастер.

— Да. Когда руль сломался, я управлял лодкой вёслами. В рифах. Против течения. Это оставило следы.

Главный Мастер посмотрел на Дьяка.

— Наставник говорит, что он зачислен. Руки говорят, что он греб. Значит, он прошёл. — Голос Главного Мастера был спокойным, но в нём звучал приказ. — Впиши его имя обратно в книгу. Сейчас. При мне.

Дьяк сжал челюсти. На секунду я увидел в его глазах ненависть — чистую, неприкрытую. Но он взял книгу, достал перо и чернильницу. Вписал моё имя, медленно и нехотя. Каждая буква выводилась так, словно он писал моё имя своей собственной кровью.

Главный Мастер проверил. Кивнул.

— Заречный Мирон, зачислен на первый курс. — Он посмотрел на меня. — Ступай, получи одежду и учебные принадлежности.

Я подошёл к столу, где лежали свертки. Взял свой — тяжёлый, завёрнутый в грубое полотно. Внутри была форменная рубаха, кафтан с нашивкой Школы, учебники, перо, чернильница.

Я развернулся, пошёл обратно к своему месту в заднем ряду.

Проходя мимо боярчиков, я поймал взгляд Владимира. Он смотрел на меня с такой яростью, что казалось, набросится на меня прямо здесь.

Проходя мимо Дьяка, я поймал его взгляд. Холодный. Расчётливый. Обещающий.

«Ты выиграл сегодня. Но это ещё не конец. Это только начало».

Я вернулся в задний ряд, встал рядом с Кузьмой.

— Думал, тебя вычеркнут, — прошептал он.

— Пытались. Не получилось.

— В следующий раз получится.

— Знаю.

Главный Мастер закончил церемонию, объявил, что завтра начинаются занятия. Что расписание будет вывешено в Приемной. Что все должны явиться вовремя.

Потом развернулся и ушёл в здание.

Наставники последовали за ним.

Дьяк ушёл последним, бросив на меня прощальный взгляд через плечо.

Толпа учеников начала расходиться.

Я остался стоять на площади, держа свёрток в забинтованных руках.

Гавриил Медведев подошёл ко мне.

— Ты заметил? — спросил он тихо.

— Что?

— Главный Мастер не удивился. — Гавриил кивнул в сторону здания, куда ушёл Главный Мастер. — Он посмотрел на Дьяка, но не удивился. Как будто знал, что так и будет.

Я переварил эти слова.

«Главный Мастер знал. Знал, что Дьяк попытается вычеркнуть меня. Но не остановил это заранее. Почему? Проверял меня? Или проверял Дьяка? Или просто не считает нужным вмешиваться в мелкие игры клерков?»

— Может быть.

— Не «может быть». — Гавриил посмотрел мне в глаза. — Точно. Главный Мастер знал. И он позволил Дьяку попытаться. Но когда Иван Васильевич вступился за тебя, Главный Мастер встал на твою сторону. — Гавриил усмехнулся. — Знаешь, что это значит?

— Что?

— Это значит, что Главный мастер играет вдолгую. Он не защищает тебя. Но и не убивает. Он смотрит, что ты будешь делать. Как ты выживешь. И если ты докажешь, что достоин... — Гавриил пожал плечами. — Тогда, может быть, он действительно встанет на твою сторону.

Я молчал, обдумывая его слова.

«Игра вдолгую. Все здесь играют вдолгую. Дьяк. Главный Мастер. Савва Авинов, которого я ещё не видел, но который держит нити. Владимир. Даже Гавриил».

«И я тоже играю вдолгую. Потому что другого выбора нет».

— Спасибо за наблюдение.

Он кивнул.

— Наблюдать — это то, что я умею лучше всего. И ещё одно наблюдение: Иван Васильевич вступился за тебя. Пуб-

лично. Перед всеми. Это делает его твоим союзником. Неявным, но союзником. — Гавриил похлопал меня по плечу. — Цени это. Таких людей здесь мало.

Он ушёл.

Кузьма подошёл ко мне.

— Пошли. Давай разберём эти свёртки, переоденемся. Ты же понимаешь, что завтра начнётся?

— Понимаю.

Мы пошли обратно в Общую Палату.

Я шёл и думал о том, что произошло.

Они пытались вычеркнуть меня из списка — просто, тихо, без шума. Но не получилось. Иван Васильевич вступился. Главный Мастер его поддержал.

Я остался.

Но красный крест в канцелярской книге никуда не делся. Дьяк не забыл. Савва Авинов не забудет.

«Они попытаются снова. И снова. И снова. Пока не добьются своего. Или пока я не стану слишком ценным, чтобы меня убивать».

Вопрос был только один: сколько попыток я смогу пережить?

И хватит ли мне времени, чтобы стать ценным?

«Хватит. Должно хватить. Потому что у меня нет другого выбора».

Я сжал свёрток крепче, игнорируя боль в ободренных ладонях.

«Игра только начинается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.